

ПЕТР ВЕЛИКИЙ
и Санкт-Петербург
в истории России



**Максим Александрович Андреев
Александр Радьевич Андреев
Петр Великий и Санкт-
Петербург в истории России
Серия «Эти невозможные люди»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605885*

Аннотация

Часть исследователей считает деятельность Петра благом для России, часть – вредом, но никто не считает ее малой и безрезультатной. Вовсе не случайно в мае 1708 года в устье Невы будущий император основал город, в первые дни называвшийся Петрополем, а затем ставший Санкт-Петербургом. Гениальный ум Петра понял значение этого устья, сумел его добыть, укрепить и использовать. Во время Невской операции Петру было 30 лет. Он был в расцвете сил и впервые творчески проявил эти силы в сложнейшем военно-политическом предприятии освоения Прибалтики. Заканчивалось время средневековой Московской Руси. Начиналось время новой истории России – время Российской империи.

Содержание

Великий Петр и «Золотой город на серебряном горизонте»	4
Часть I. Россия и власть	13
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А.Р. Андреев, М.А. Андреев

Петр Великий и Санкт-Петербург в истории России

Великий Петр и «Золотой город на серебряном горизонте»

Эпоха Петра Великого, его личность, роль в истории России пользуются огромным вниманием у отечественных и зарубежных политиков и историков. Великий российский историк В. Ключевский писал в конце XIX века: «Вся наша история делилась на два периода: на Русь древнюю, допетровскую, и Русь новую, петровскую и послепетровскую», Такая периодизация российской истории ее корифеем только подчеркивает огромное значение деятельности Петра Первого для нашей Родины. Великий государственный деятель, полководец, дипломат – личность мирового масштаба. Мыслителей всего мира всегда волновали взаимоотношение государства и общества, механизм возникновения неограниченной власти, ее место в истории страны. А уж если деятельность монарха с неограниченной, самодержавной вла-

стью превращает страну в великую мировую державу – длительный и повышенный интерес к эпохе Петра историков и политиков гарантирован.

Все исследователи признавали, что Петр был лидером своего народа, его властителем, обладавшим крутым нравом, самым заметным и влиятельным деятелем своего времени. Современники великого государя, как всегда «не видевшие пророка в своём отечестве», основное внимание обращали на условия своей жизни, созданные в результате деятельности Петра. Многие люди часто хотят хорошо жить «здесь и сейчас», не думая о будущем ни своих детей и внуков, ни своей Родины. О Петре остались многочисленные высказывания людей, живших с ним в одно время:

«Как царица Наталья Кирилловна стала отходить сего света, и в то число ему говорила: ты де не сын мой, замененный»;

«Он не царского рода, а подмененный младенец – не русский, а из слободы Немецкой»;

«Какой он царь? Враг, морок мирской; мироед, весь мир переел; на него, кутилку, переводу нет, только переводит добрых людей; сколько ему по Москве ни скакать, быть ему без головы»;

«Он крестьян разорил с домами, мужей побрал в солдаты, детей осиротил и заставил плакать всех; служилых людей всех выволок на службу, нигде от него не уйдешь!»

Петра даже называли «антихристом», но так думали толь-

ко те, кто не знал его лично и тем более не работал с ним. В день провозглашения Российской империи в 1721 году канцлер граф Н. Головкин в официальной речи провозгласил: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присоединены». Сотрудник Петра И. Неплюев говорил: «Сей монарх отечество наше привел в равенство с другими державами; научил их считать, что мы тоже люди; одним словом: на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и чтобы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут». Великий М.В. Ломоносов писал через тридцать лет после смерти императора: «Если надобно найти человека, Богу подобного, – кроме Петра Великого не обретаю!» Историк времен Екатерины Второй князь М. Щербатов в работе «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» критику эпохи петровских времен закончил словами – «...слава есть Петра Великого как великая река, которая чем более удаляется от своего начала, тем больше становится, имя Петра Великого с благодарностью и с удивлением в сердцах и детей наших запечатлено». «Первый российский историк» Н. Карамзин считал Петра «великим мужем», а его деятельность «чудесною», считал справедливым, что «потомство воздало усердную хвалу сему бессмертному государю и личным его достоинствам и славным подвигам». При этом он добавил, что «пытки и казни служили

средством нашего славного преобразования, и бедным людям казалось, что Петр вместе с древними привычками отнимает у них само отечество». Н. Карамзин был не первым, кто оценку государственной деятельности проводил только с этической точки зрения. Славянофил К. Аксаков утверждал, что Петр Первый принудительно и чисто внешне решил «все западное пересадить сразу на русскую почву, и все, что было истинного в делах и реформе Петра, – принадлежит не ему, а все остальное принадлежит ему»; а сам император – злой гений и насильник русского народа. Соратник К. Аксакова А. Хомяков своеобразно «поддержал» идеолога славянофильства: «Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к созданию силы; это один из могущественнейших умов и едва не сильнейшая воля, какие представляет нам летопись народов». Противник славянофилов выдающийся критик В. Белинский утверждал: «Петр Великий есть величайшее явление не только нашей истории, но истории всего человечества; он божество, воззвавшее нас к жизни, вдунувшее живую душу в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России».

Великий историк С. Соловьев считал деятельность Петра «всесторонним переворотом в жизни России».

В. Ключевский назвал реформы императора только потрясением:

«Реформа «сама собой вышла из насущных нужд госу-

дарства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом, сильным характером и талантами. Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, а ограничиваясь стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью. Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленному к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутившую всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновавшую все классы общества. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью.

Противоречия, в какие Петр поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решительностью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых Петр не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и

проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, – столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ. Петр не сумел очистить свою кровь от единственного крепкого направителя московской политики – от инстинкта произвола. Петр был великий хозяин, лучше всего понимавший экономические интересы, более всего чуткий к источникам государственного богатства».

Ученик В. Ключевского П. Милюков в работе «Реформа Петра Великого» утверждал:

«Вопросы ставила жизнь, а формулировали более или менее способные и знающие люди. Царь схватывался за ее прикладной вывод. Обсуждение идеи представлялось царем правительству вместе с подавшими мысль советчиками – и в результате получался указ. Случайно поставленная, коллективно обсужденная, реформа только из вторых рук случайными отрывками проникала в сознание царя. Результат: экспериментирование наудачу и отрывочность отдельных усилий. Петр мог научить окружающих только тому, чему сам научился, а сам научился немногому. Страна получила реформу, на которую только и была способна». Несправедливому и предвзятому историку, претендовавшему на звание знатока русской культуры, возразил знаток Петровской эпохи Н. Павлов-Сильванский:

«Из напечатанных во множестве собственноручных бумаг Петра хорошо видно, что он был не только мореплавателем

и плотником, корабельным мастером и токарем, но и усидчивым кабинетным работником. Его многочисленные собственноручные письма показывают, что царь не только не теряется в деталях, но действительно руководит всем обширным делом снаряжения армии и обороны страны, что он постоянными, настойчивыми напоминаниями побуждает энергию сенаторов и генералов. В законодательных делах Петр с той же неистощимой энергией работал пером, с какой он работал на верфи топором. Над выработкой морского устава Петр трудился в течение 5 месяцев, по 4 дня в неделю, с 5 часов утра до полудня и с 4 часов дня до 11 вечера. Большая часть рукописи этого устава написана его рукой, остальная испещрена его поправками. В Сенатском архиве хранятся черновики коллежских уставов с длинными собственноручными вставками и многочисленными поправками царя. Значительная часть указов Петра были выработаны им самим».

Российские военные историки говорят о гениальности Петра в военном деле:

«Редкая проницательность в разгадывании обстановки и способность быстрого принятия вполне сообразных с обстановкой решений, беспредельная вера в самого себя и умение не теряться от всякого рода неожиданностей; глубокое понимание основных законов военного искусства и находчивость в изобретении средств для проведения их в жизнь; способность к продолжительному настойчивому стремле-

нию к достижению раз поставленной цели; верная оценка боя, как средства решительного и необходимого, крайнего и «зело опасного», а потому требующего всесторонней подготовки, – вот штрихи, характеризующие полководческое искусство Петра Великого».

В наше время плеяда историков сделала точные и бесспорные выводы об эпохе Петра Великого, создав доказательный образ великого реформатора и гения России. Однако в угоду увеличения тиражей и прибыли всегда находились издатели, авторы, да и политические деятели, необоснованно представляющие императора «грязным и больным пьяницей, лишенным здравого смысла и чуждым всяких приличий, с густым храпом, табачным кашлем, безумными глазами, завтракающим водкой и соленым лимоном». Для «бизнесменов-историков» царь «ненавидевший страну маньяк, трус, циник, презиравший человека, дебошир, женившийся на наложнице Меншикова».

История все давно расставила по своим местам. Часть исследователей считает деятельность Петра благом для России, часть – вредом, но никто не считает ее малой и безрезультатной. Вовсе неслучайно в мае 1708 года в устье Невы будущий император основал город, в первые дни называвшийся Петрополем, а затем ставший Санкт-Петербургом. Великий русский историк в начале XX века С. Платонов писал:

«В центре завоеванной области созданся город особого и многостороннего значения: в военном отношении Петер-

бург – главная защита магистрального русского пути из московского центра на Запад; в торговом отношении это главный русский торговый порт на Балтике; в политическом отношении это русский наблюдательный пункт на Балтийском побережье, определяющий политику России в Балтийском вопросе и оттого ставший резиденцией русского правительства.

Нет ничего случайного в создании Петербурга на Невском устье: гениальный ум Петра понял значение этого устья, сумел его добыть, укрепить и использовать. Во время Невской операции Петру было 30 лет. Он был в расцвете сил и впервые творчески проявил эти силы в сложнейшем военно-политическом предприятии освоения Прибалтики.

Роль Петра в русской истории громадна и благотворительна. Стремление к народному благу, самоотверженное служение государству, напряженный личный труд, страстная любовь к знанию и вера в необходимость просвещения – эти качества в Петре бесспорны».

30 мая 1672 года завершилась огромная эпоха. Заканчивалось время средневековой Московской Руси. Начиналось время новой истории России – время Российской империи.

Часть I. Россия и власть

Стрельцы. Царь Петр и правительница Софья. Великое посольство в Западную Европу: взаимодействие и взаимопроникновение. 1682–1698 годы.

Цесаревич Петр родился в ночь на 30 мая 1672 года в Московском кремле. За год до этого овдовевший Алексей Михайлович женился вторично – на Наталье Кирилловне Нарышкиной. От его первой жены, Марии Ивановны Милославской, у него росли сыновья Федор и Иван и пять дочерей. Крестными Петра стали царевич Федор и любимая сестра царя Ирина Михайловна.

В первый день рождения Петру был подарен «конь деревянный потешный на колесах железных прорезных, обтянутый жеребьячей кожей, с седлом, положенным на войлок, обитый серебряными гвоздиками, с прорезными железными позолоченными стремянами и с уздечкой, украшенной изумрудами». Вместе с конем были подарены и два «барабанца» и «цимбальцы маленькие». Перечень игрушек царевича сохранился: посеребренные луки и стрелы, топорики, шестоперы, маленькие колокола, целый арсенал «потешного оружия».

При жизни Алексея Михайловича вражда между родней двух его жен открыто не проявлялась. В начале 1675 года царь внезапно занемог и 29 января скончался. Новым госу-

дарем стал его старший сын Федор Алексеевич. Придворные группировки Милославских и Нарышкиных боролись за влияние на юного болезненного царя с группировкой личных друзей царя Федора – Языковых, Лихачевых и Апраксиных. Периодически под различными предлогами от двора удаляли или отправляли на воеводства в дальние города представителей разных придворных партий.

В июле 1676 года первый министр царя Алексея Михайловича А. Матвеев, сосватавший ему Наталью Нарышкину, был отправлен воеводой в Верхотурье. Вскоре опору клана Нарышкиных и вовсе сослали в Пустозерск. В опалу попали и братья царицы, были удалены от дел и ее немногочисленные сторонники. Царица-вдова заняла во дворце второе-степенное место и большую часть времени проводила в загородных царских резиденциях. Детство Петра проходило не в тесных кремлевских теремах, а в привольных Воробьево, Коломенском, Преображенском.

Первым учителем царевича был назначен дьяк Н. Зотов, лично проэкзаменованный знаменитым Симеоном Полоцким, учителем царских детей от царицы Марии Милославской. Любимой ученицей белорусского просветителя стала царевна Софья – будущая соперница Петра. Н. Зотов начал обучение царевича с рассказов из российской истории.

27 апреля 1682 годы двадцатилетний Федор Алексеевич умер. В тот же день в Передней палате Кремлевского дворца

члены Боярской думы и высшее духовенство во главе с патриархом выбирали нового царя. Здоровый Петр был «надеждой династии», в отличие от болезненных Милославских, и выбор пал на него. Руководившие государством Языковы, Лихачевы и Апраксины в тот же день на площади и дворцовом крыльце в Кремле собрали т. н. Земский собор, на котором присутствовали люди, оказавшиеся в то время в Кремле и те, кого успели собрать по Москве – бояре, думные чины, дьяки, дворяне, служилые люди, купцы Гостиной и Суконной сотен, старосты московского посада, высшее духовенство. Обычно делегатов на Земский собор собирали неделями и месяцами со всей территории государства – это условие не было соблюдено.

Патриарх Иоаким обратился к толпе с вопросом о новом царе. Громче кричали за Петра, чем за Ивана – так решили руководители Собора. Недееспособность царевича Ивана не была официально установлена специальной соборной комиссией. Это, а также сама нелегитимность однодневного Собора были практически сразу использованы Милославскими, которых при новой власти ждали только опалы и ссылки. Приближалась кровавая драма 1682 года, сыгравшая в судьбе десятилетнего Петра такую большую роль.

Петр был провозглашен царем и благословлен патриархом на царство. Правительницей государства до его совершеннолетия становилась его мать царица Наталья Кирилловна, окруженная, как обычно, родней. На следующий день по-

сле похорон Федора Алексеевича царица вызвала из ссылки опытного боярина А. Матвеева и своих братьев. Бывший правитель государства должен был прибыть в Москву 12 мая. У Милославских было только две недели, и они ими воспользовались. Заговор или механизм «перехвата» власти, осуществленный двадцатилетней царевной Софьей Алексеевной и ее дядей И. Милославским, опытным интриганом, можно смело вносить в учебники истории – в качестве классического примера.

Необходимо было «подогреть» общественное мнение, и царевна Софья, нарушив вековой обычай, запрещавший царевнам открыто появляться на публике, пришла на похороны Фёдора Алексеевича. Неопытная Наталья Кирилловна, не дослушав до конца литургию и отпевание, увела маленького царя из Архангельского собора. Сразу же начались толки и пересуды, подогретенные причитаниями царевны Софьи о том, что «враги брата Федора отравили, а брата Ивана отодвинули». Оставшейся без советников Наталье Кирилловне пришлось оправдываться, что маленький царь не смог выстоять долгую службу в храме.

Неблагоприятное впечатление на народ, как обычно, произвели срочные награждения и пожалования родственников царицы. Всех возмутило производство сразу из стольников в бояре безо всяких заслуг двадцатилетнего брата царицы Ивана Нарышкина. До приезда А. Матвеева оставалась неде-

ля и Милославские возмутили стрельцов.

Первое постоянное стрелецкое войско, вооруженное огнестрельным оружием, было создано в середине XV века. Впервые стрельцы упоминаются в летописях о Казанском походе за 1546 год. В 1550 году были образованы «выборные» стрелецкие отряды – «учинил у себя царь выборных стрельцов из пищалей 3 000 человек, а велел им жить в Воробьевой слободе». Из этих московских стрельцов был образован Стрелецкий полк, ставший лейб-гвардией царя и «при стремени» охранявший вместе с Государевым полком жизнь царя.

Конное и пешее стрелецкое войско делилось на московских и городских стрельцов. Их численность во второй половине XVI века превышала 10 000 человек, из которых 5 000 постоянно находилось в Москве, а остальные служили в приграничных городах. Во главе стрелецких полков и приказов стоял голова, назначенный Стрелецким приказом из дворян. Ему подчинялись полутысячники, сотники, пятидесятники, десятники. Стрельцы – служилые люди «по прибору» – служили пожизненно, их служба передавалась по наследству. За службу стрельцы получали не земельное, а денежное жалование, поначалу 4 рубля в год. Давалось и хлебное жалование. Стрельцы жили в особых слободках, в которых каждый стрелец получал участок земли для усадьбы и огорода и денежное пособие для строительства дома. Стрельцы не пла-

тили налогов и пользовались льготами и привилегиями при торговле, особенно своим товаром, который они производили в своих слободах.

В двадцати московских полках служили 40 000 стрельцов, избалованных царскими подачками и не часто используемых в полевых сражениях – стрелецкие пищали били на очень маленькое расстояние.

Стрельцы, показавшие себя героями в Смутное время, через семьдесят лет превратились в гарнизонное войско, выполнявшее полицейские функции. Теперь стрельцы «любили сладко поспать, хорошо поесть и выпить за казенный счет» Современники сравнивали их с янычарами и стрельцы сознавали свою видную роль «на Москве».

Иван Милославский «кипятил» свой заговор именно со стрельцами. Днем из Кремлевского дворца агенты с деньгами и обещаниями от царевны Софьи расходились по стрелецким слободам, а по ночам выборные от стрелецких полков собирались в усадьбе боярина. Причина возбуждения стрельцов нашлась быстро. Дegrадиrowали не только рядовые стрельцы. Их полковники, пользуясь бесконтрольностью, разворовывали стрелецкое жалованье, брали взятки за уклонение от службы, брали стрельцов денщиками, заставляли их работать на своих огородах. Полковники, обычные дворяне, распоряжались в полках как в своих поместьях. Стрельцы после подавления восстания Степанам Ра-

зина мало занимались собственно своим военным делом – о прежней дисциплине после 1670 года не могло быть и речи. Бывшие грозные воины специализировались на разного рода мелкой торговле и промыслах, не подтверждая основное правило военной науки о том, что армия предназначена для войны или подготовке к войне. Стрельцы оставались вооруженной силой, хорошо понимая, что они могут натворить в государстве, если захотят – бунты 1648, 1650, 1662 годов еще не покрылись пеплом истории. Старые стрельцы говорили: «Когда бунтовал Разин и я с ним ходил. Еще и на старости лет тряхну».

Стрелецкий костер мог вспыхнуть от маленькой искры, а Милославские поднесли горящее полено. В борьбе за власть редко думали о государственной пользе. В «группу поддержки» царевны Софью вошли Иван и Александр Милославские, Иван и Петр Озеров, несколько рядовых стрельцов.

30 апреля 1682 года уполномоченные от стрелецких полков пришли в Кремль с обвинениями против своих полководцев. Челобитные содержали требования о выдаче жалованья, оплаты труда на полководцев по расценкам работавших стрельцов, смещения и наказания командиров, чинивших «налоги, обиды и всякие тесноты». О военных проблемах стрельцы даже не упоминали – разложившаяся солдатня почувствовала себя хозяевами положения. В феврале 1917 года запасным полкам Петроградского гарнизона было с кого брать пример.

Шестеро Нарышкиных уступили стрельцам, потеряв опору в руководстве полков и вызвав презрение у разнузданных рядовых стрельцов. 16 полковников из 20 были арестованы и разжалованы, биты батагами. С них были собраны все «долги», поместья конфискованы. Войско разом потеряло всех начальников и поняло, что Москва теперь в их распоряжении. Руководитель стрелецкого приказа заносчивый князь Ю. Долгоруков потерял всякую власть над стрельцами, выдвинувшими нового начальника, болтуна и хвастуна князя И. Хованского, «прославившегося» в русско-польских войнах лобовыми атаками на вдвое превосходящего по количеству противника, с неизбежной потерей половины своих воинов и невыполнением после этого боевой задачи. Милославские «выпустили джина из бутылки» и джин почти сумел поменяться с ними местами.

12 мая 1682 года в Москву прибыл боярин А. Матвеев. К его приезду Милославские подготовили «черный список бояр-изменников», которых нужно было уничтожить – иначе начнутся стрелецкие опалы и казни. 15 мая по набату стрельцы ворвались в Кремль – «спасать царевича Ивана» от Нарышкиных. Царевичей Ивана и Петра предъявили вооруженной толпе с Красного крыльца. Успокоившихся стрельцов оскорбил сын начальника Стрелецкого приказа М. Долгоруков и был тут же изрублен. Кровавое убийство возбудило вооруженную толпу. Стрельца стали хватать бояр-«изме-

ников» и убивать их прямо на площади перед царским теремом. Убили А. Матвеева, А. и И. Нарышкиных, П. Салтыкова, Г. Ромодановского, П. Языкова, Л. Иванова. Стрельцы издевались над трупами, волоча их по земле и приговаривая: «Вот боярин Артамон Сергеевич, вот Долгоруков, вот думный едет, дайте дорогу!» Правительство Нарышкиных было свергнуто, царями провозгласили Ивана и Петра, который собственными глазами видел все насилие и кровопролитие, смерть своих родных и близких.

Стрельцы ходили в Кремль наделю. Был разгромлен Холопий приказ, кабальные грамоты изодраны. По требованию стрельцов был пострижен в монахи отец царицы и дед Петра Кирилл Полуэктович, остальные Нарышкины сосланы. 26 мая Иван был провозглашен первым царем, а 29 мая стрельцы объявили свою волю боярам, чтобы по молодости царей правление государством было поручено царевне Софье. Объявил об этом новый стрелецкий лидер князь И. Хованский «Тараруй». Софья начала изымать серебряные вещи у населения и чеканить монету, чтобы расплатиться со стрельцами. По городам и селам Московского царства были разосланы грамоты с изложением примера из римской истории о правлении Римской империей после смерти императора Феодосия его старшей дочери Пульхерии – при малолетстве ее братьев Аркадия и Гонария.

Софья получила юридическую власть над страной. Но это был только призрак власти – хозяином в государстве стал И.

Хованский, удовлетворявший все требования стрельцов. В течение всего лета 1682 года стрельцы диктовали свою волю правительнице. Им был дан титул «Надворной пехоты», а на Красной площади поставлен каменный столб – памятник с описанием их «подвигов» 15–18 мая. Стрельцы потребовали, чтобы новая власть признала все убийства, совершенные ими во время бунта, справедливым и необходимым делом для народа и государства, а «все побития были сделаны за дом пречистые Богородицы и царское пресветлое величество и за неистовство к великим государям». По торгам читали грамоты, в которых власти требовали стрельцов бунтовщиками и изменниками не называть, «в ссылку не ссылати, не бити и не казнити». Софья выполняла все требования стрельцов и платила, платила, платила.

20 августа 1682 годы Софья с Иваном и Петром выехала в Коломенское, потом – в Савино-Сторожевский монастырь и, наконец, в Троице-Сергиеву лавру. Ставка была сделана на поместное дворянство – и Софья победила. Разнужданным стрельцам было далеко до отчаянных пограничных дворян-рубак. По уездам были разосланы грамоты с предписанием служилым людям собираться к государям в Троицу, куда отовсюду собиралось дворянское ополчение, презиравшее избалованных стрельцов.

14 сентября Софья от имени царей предложила всем боярам, стольникам и дворянам прибыть в село Воздвиженское под Троицу для встречи украинской казацкой делегации –

«а которые бояре и окольные и думные люди в отпуску, и им из деревень своих быть к ним, великим государям, в поход всем». На И. Хованского была возложена обязанность обеспечить приезд такого количества бояр и служилых людей, чтобы их «было ljudно».

Князь И. Хованский с большой свитой выехал из укрепленного Кремля. Пограничному воеводе князю М. Лыкову с товарищами тут же полетел указ Софьи – «князя Ивана Хованского и сына его князя Андрея взять в дороге». Князь Лыков с товарищами ворвался в лагерь И. Хованского у села Пушкина, влетел на коне в шатер Тараруя, схватил князя за шиворот, бросил поперек седла и привез к Софье – в день ее именин 17 сентября. Тут же в пыли И. Хованскому с сыном отрубили головы – «в селе Воздвиженском на площади у большой Московской дороги».

На свободе остался второй сын И. Хованского, который вернулся в Москву и убедил стрельцов, что Софья с дворянскими полками идет на стрельцов. Стрельцы заперлись в Кремле, и это уже было настоящее восстание против властей.

Из Лавры стрельцам была отправлена грамота, чтобы стрельцы «не верили прелестным и лукавым словам, а царского гнева на них нет». Современники событий писали о напуганных дворянскими полками стрельцах, отправивших выборных делегатов к Софье. Правительница поставила стрельцам условия, которые они обязались выполнять под присягой. Столб на Красной площади снесли, собираться в

круги по-казачьи стрельцам запретили, часть выданных зачинщиков казнили, часть сослали, часть вообще не тронули. Руководителем Стрелецкого приказа был назначен думный дьяк Ф.Шакловитый, жестко восстановивший дисциплину в стрелецких полках. 2 ноября 1682 года царский двор вернулся в Москву. Хованщина кончилась. Началось семилетнее правление царевны Софьи.

Российский историк С. Платонов писал о десятилетнем Петре: «Майский дворцовый переворот и кровавые потрясения 1682 года создали Петру необычную для ребенка обстановку и дали ему ряд тяжелых впечатлений. Он видел много кровавых сцен, жил в страхе за себя и за своих близких; вместе с тем он страдал от вражды и насилий недружественной родни; вместе с ними ненавидел угнетателей и насильников.

Жизнь рано показала ему свои тяжелые и темные стороны: столько злобы кипело вокруг него, как легко лилась кровь без вины и суда, как бесстыдно проявлялось насилие и лицемерие в отношениях, с виду высоко приличных! Все это не могло остаться без следа в чуткой душе способного и впечатлительного ребенка и растило в ней семена грубости и жестокости, и в тоже время отвращение к фальши и несправедливости. В именно это время зарождалась в Петре та двойственность моральных настроений, которая в последующие годы бросалась в глаза наблюдателям. Петр в минуты гнева, даже в мгновенном припадке раздражения бывал

способен убить человека и не стеснялся в способах выражения своих чувств. Он бывал жесток в своих репрессиях и мстителен в отношении тех, кого считал своими врагами. И в то же время в нем всегда жило чувство справедливости, бравшее верх над вспышками гнета.

Современники не раз отмечали любовь Петра к правде и искренности – «говори ему правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; он де больше рассердится, буде что солжешь». Это – одна из основных черт характера Петра».

Нарышкины остаются не у дел, и царица Наталья Кирилловна с сыном подолгу живет в подмосковных царских селах. Петр со старшим братом постоянно появляется на придворных церемониях и церковных праздниках в Кремле. Шведский дипломат докладывал с Стокгольм о посольском приеме 1683 года:

«В Приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно. Младший смотрел на всех. Лицо у него красивое, открытое. Молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех стоявших, а его живость приводила в замешательство степенных московских сановников. Когда посланник подал верительную грамоту, младший Петр не дал времени приподнять себя и старшего бра-

та, как требовалось правилами. Он стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и сказал скороговоркой: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский по здоровуль?».

Одиннадцатилетний Петр читал азбуку и букварь, библию с иллюстрациями, книгу «о луне и о всех планетах небесных», летопись Стрыйковского, Четьи – Минеи, часослов, псалтырь, – учился писать. Дети Алексея Михайловича от первого брака на втором этаже проходили обучение у киевских монахов. Саму Софью учил выдающийся просветитель Симеон Полоцкий – грамматике, риторике, пиитике, диалектике, философии, латинскому и греческому языкам. Правительница понимала значение образования и не собиралась заботиться об обучении Петра. Его детские «хоромы» были наполнены игрушечными пистолями, карабинами, пищалями, пушечками, топориками, луками, сабельками, барабанами.

В 1682 году для царевича в Кремле была сделана потешная площадка, на которой стояли деревянные пушки, шатер и изба. Деревянные пушки внутри были обиты жестью, снаружи посеребрены, все украшения отлили из олова, станки и колеса расписали зеленой краской. В мае 1683 года в Воробьеве Петр стрелял уже из настоящих пушек. Летом 1683 года Оружейная палата привозит в Преображенское 16 пушек. В августе у Преображенского возникает потешный го-

род, впервые упоминаются «10 потешных конюхов» – будущих солдат зарождавшихся потешных полков.

Летом 1685 года потешный город у Преображенского называют Пресбургом. Сохранилось его описание: «Настоящая маленькая крепость на островке на реке Яузе, обнесенная с трех сторон деревянными стенами, а с четвертой, у входа, землю в виде вала, с настоящим подъемным мостом, вся окруженная водой; четыре маленьких башни заменяли в ней бастионы, в середине против входа были сделаны большие ворота с башней наверху». На въездной башне Пресбурга были сооружены часы с боем восьми колоколов. Через Яузу были переброшены мосты, построены царские хоромы, избы для офицеров потешных отрядов, приказная изба, казенный и оружейный амбары, конюшня.

С раннего детства Петр интересуется разными ремеслами, любовь к которым сохранил на всю жизнь. В Преображенское и Коломенское везли молотки, «снасти для каменщиков», плотничий инструмент, столярное оборудование. Петр получил навыки в ремесле каменщика, плотника, столяра, кузнеца, даже топографа.

Правительница Софья и ее фаворит, по совместительству и глава правительства, князь В. Голицын поддались на увещания созданной в 1684 году Священной лиги, куда вошли Австрийская империя, Речь Посполита, Венецианская республика и Мальтийский рыцарский орден. Священной лиге

было необходимо вовлечь Россию в борьбу с Турцией, и ей это удалось. Украинская старшина и Посольский приказ сообщали правителям, что «воевать за интересы своих врагов глупо, нарушать мир с турками и татарами нет причин, а надежды захватить Крым – иллюзия». За участие в Священной лиге Россия получала «вечный мир» с Польшей, естественно не соблюдавшийся, и Киев, который ей уже принадлежал. Многие историки называли В. Голицына образованным человеком, талантливым политиком и прекрасным дипломатом. «Звезда» российской политики оставила «след» в истории в виде обслуживания австрийско-польских интересов и бесславных крымских походов, сопровождавшиеся массовой гибелью российского дворянства. Не обладавший никакими полководческими талантами В. Голицын загубил в 1687 и 1688 годах в безводных степях от Полтавы до Перекопа дворянское ополчение и отделался за это легким испугом. К «забавам» Петра Софья относилась с презрением, смеясь над «преображенскими конюхами». Пока правительница смеялась, Петр «помалу привел себя теми малыми полками в охранение от сестры и начал приходить в силу». Впоследствии именно «потешные полки» при столкновении 1689 года составили надежную охрану Петра и стали основой его войска.

С 1685 года шли поставки для потешных полков пистолей, карабинов, мушкетов, пищалей, алебард, «ухватов, что людей хватают», коней, фитилей, барабанов, шелковых зна-

мен.

С оружием царь Петр получил глобус и астролябию и сам продолжил свое образование изучением военного дела, начав с обучения правилам фортификации и артиллерийской стрельбы. Он считал, чертил и мерил. Позднее Петр писал:

«Я, получа оный инструмент, которым можно было «брать расстояния», не умел его употреблять. Я объявил его дохтуру фон-дер-Гулсту, не знает ли он? Он сказал, что не знает, но сыщет такого, кто знает. Оный дохтур в скором времени сыскал голландца Франца Тиммермана, который употреблять сам инструмент умеет. К чему я гораздо пристал с охотой учиться геометрии и фортификации». Сохранились тетради Петра, в которых он определял широту и долготу разных мест на земном шаре, вычислял полет мортирной бомбы. С. Платонов писал о новых учителях юного Петра:

«Не надо удивляться тому, что в малолетстве Петра вокруг него мелькают иностранцы. Артиллерист Зоммер, доктор Гульст, математик Тиммерман, конечно, были не одни в житейской обстановке Петра. В дворцовом обиходе того времени за всяким делом, требовавшим специальных знаний, обращались к «немцам» в Немецкую слободу. Много их служило и в потешных селах, особенно в Измайловском. Что же касается Преображенского, обычной резиденции маленького Петра, то оттуда до Немецкой слободы было рукой подать – не более двух верст».

На Яузе у Пресбурга для связи со специалистами из

Немецкой слободы всегда стояли «потешные суда» – гребной струг и парусная лодка. С. Платонов писал о результатах общения Петра с иностранцами:

«Обращения царской семьи было дело «обышное». Но не обычным оказались его последствия.

Мальчик, лишенный правильного, по тому времени, нормального богословско-схолатического образования и, за отсутствием нормальных отношений во дворце, удаленный от дел правительством Софьи, ударился в «потехи», в которых пользовался услугами техников. Общение с ними, более короткое, чем у других членов царской семьи, поставило мальчика под культурное влияние этих представителей Запада. Практически уроки военного дела, фортификации, навигации, естественно соединились с теоретическими уроками по математическим наукам. Забава связывалась с обучением и постепенно создавала в лице Петра новый, в царской семье еще небывалый культурный тип. Старшие братья и некоторые сестры Петра по своему образованию были богословы и словесники; Петр же оказался военным техником и математиком. Те жили и мыслили «с манеру польского», а он начал жить «с манеру немецкого». Никто этого не хотел, никто этого не готовил. Сама жизнь вылила Петра в новые формы. А необычные способности и порывистая страстность натуры Петра придала этим формам необыкновенную яркость».

Именно необычные способности Петра, усиленные любо-

знательностью, привели к возникновению его любви к морю. Позднее Петр сам писал о причинах появления в России военно-морского флота и кораблестроения:

«Случилось нам быть в селе Измайлове на льняном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дома деда Никиты Ивановича Романова, увидел я судно иностранное и спросил Франца Тиммермана, что это за судно. Он сказал, что то бот английский. Я спросил, где его употребляют, он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я таки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами, понеже видел его образом и крепостью лучше наших. Он мне сказал, что бот ходит на парусах не только по ветру, но и против ветра, что меня в великое удивление привело. Потом я его паки спросил: есть ли такой человек, который бы его починил и сей ход мне показал. Он сказал мне, что есть, и то я с великой радостью сие услыша, велел его искать. И Франц сыскал голландца Карштена Брандта, который был призван при отце моем в компании морских людей для делания морских судов на Каспийском море, который бот починил и сделал мачту и паруса и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним, и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил, для чего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевел его на Просяной пруд в Преображенском, но и там немного авантажу сыскал, а охота от часу стала быть более. Для того я стал проведывать, где более воды, и ме-

не объявили Преславское озеро, яко наибольшее, куда я под образом обещания в Троицкий монастырь у матери выпросился. А потом уже стал ее просить и явно, чтобы там двор и суда сделать. И там вышереченный Карштен Брандт сделал два малые фрегата и три яхты. И там несколько лет я охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало, и то ездил на Кубенское озеро, но оно ради мелкости не показалось.

Того ради я уже положил намерение прямо видеть море».

В стрелецких мятежах и неудачных Крымских походах прошло семь лет правления царевны Софьи. Настал 1689 год, в котором Петру исполнялось семнадцать лет.

В мае 1689 года Петр становился совершеннолетним и выходил из-под опеки сестры – Софья должна была удалиться. Чтобы стать из правительница самодержицей, ей надо было лишить Петра права на престол. Сделать это легально было невозможно – власть, подчинившая внешнюю политику интересам Польши, Австрии, даже Венеции, и для этого введшая тяжелые налоги, была непопулярна. Еще в 1687 году на вопрос о поддержке Софьи при венчании на царство стрельцы дали уклончивый ответ.

Софья уже давно именовала себя в грамотах рядом с именами царей – «Великие государи цари и великие князья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич и великая княжна Софья Алексеевна, всея Великие и Малые и Белые России са-

модержцы». Это было уже даже не двое царствование, а троестаршинство. Вместе с царями Софья участвовала в официальных церемониях и церковных торжествах. Был отпечатан портрет правительницы в царском облачении, в короне и со скипетром в руках, в окружении ее семи добродетелей – разума, благочестия, щедрости, великодушия, правды, целомудрия и божественной надежды. Такой же портрет с текстом на латинском языке предполагалось распространить и за границей. Известно и высказывание В. Голицына: «Жаль, что в стрелецкий бунт не уходили царицу Наталью с братьями, теперь бы ничего не было». Ф. Шакловитый добавлял: «Чем тебе, государыня, не быть, лучше царицу извести».

Стрельцов натравливали на Петра. Стрелецкий начальник Н. Чермный, получавший оклад в сто раз больше, чем рядовые стрельцы, говорил совершенно открыто: «Хотя и всех побить, а корня не выведешь, надобно уходить старую медведицу, царицу; чего и царю спускать, зачем стало?» Софья стала собирать у себя доверенных стрельцов: «зачиняет царица бунт с братьями и с князем Борисом Голицыным, да патриарх на меня посягает». Люди Шакловитого под видом Нарышкиных ночами избивали караульных стрельцов.

Наталья Кирилловна получала полную информацию о действиях Милославских и озлобление между обоими сторонами росло. 30 мая 1689 года Петру исполнилось семнадцать лет, и Наталья Кирилловна вызвала его из Переславля в Москву.

Первое публичное столкновение произошло 8 июля в день празднования Казанской иконы Божьей Матери. Софья, взяв икону «О тебе радуется», в нарушение правил собиралась идти с государями крестным ходом из Успенского в Казанский собор. Петр потребовал, чтобы Софья не нарушала обычай, она отказалась подчиниться. После громкого скандального спора в соборе Петр покинул процессию и уехал в Коломенское. Через две недели Петр отказался подписать Манифест о наградах В. Голицыну за проваленный второй Крымский поход. Петра уговорили подписать грамоту, но самого В. Голицына он не принял. 27 июля Софья говорила со стрельцами: «Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стоите, а буде не годны, мы оставим государство? Житье наше становится коротко, царя Иоана Алексеевича ставят ни во что, а меня в Преображенском называют девкою, будто бы я и не дочь царя», Ф. Шакловитый набирал охотников на покушение за вознаграждение. Стрельцам обещали разрешить безнаказанно разграбить дома побитых сторонников царя Петра: «А как их побьют, и кто что в домах их возьмет, и то все перед ними, и сыску никакого не будет; ешьте и пейте в долг, даст Бог будет ярмарка – станем боярские дворы и торговых людей лавки грабить и сносить в дуван; а мутит всем царица Наталья Кирилловна, а меня-де хотят высадить из приказа вон, и вас, которые ко мне в дом вхожи, хотят всех по городам разослать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.